АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИНСТ-ТА ЛИТЕРАТУРЫ · III

С. К. ШАМБИНАГО

Повести о начале Москвы

Вступление

Происшедшее в 1175 г. восстание в Боголюбове нашло себе отражение в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях. В них помещен рассказ об убиении великого князя Андрея Юрьевича Боголюбского, но уже в литературной обработке, полный драматического движения и тенденциозный. По вопросу о происхождении этого рассказа установлено,[1] что между 1175 и 1177 гг. было составлено биографического («житийного») типа сказание об Андрее, вероятно на основании сообщений того преданного великому князю «Кузьмища киянина», о котором говорят дошедшие до нас средневековые тексты. Автор этого сказания, южнорусс, поставил себе целью создать не историческое повествование, а церковно-житийный рассказ о «мученической кончине» лица, которого поставил себе в герои и которого, повидимому, желал бы видеть канонизованным. План для своей композиции он взял из сказания о Борисе и Глебе, украсил изложение библейскими параллелями, текстами из писания, характеристику героя выдержал в общежитийных тонах. Желая теснее сблизить своего героя с Борисом и Глебом, автор допустил намеренную неточность — идеализовал великого князя Андрея как «кроткого и незлобивого агнца» и односторонне осветил, как «мученичество», события, сопровождавшие убийство. Боголюбское восстание расценено в качестве церковно-исторического события.

Этот первоначальный рассказ целиком вошел в южнорусскую Ипатьевскую летопись и может считаться первой редакцией дошедшего до нас повествования. Рассказ проникнут полемическим оттенком, подчеркнуто пренебрежительное отношение граждан Боголюбова к убитому и расцвечен поступок оставшегося верным князю ближнего его — Кузьмища киянина.

[1] Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. Обзор редакций и тексты, глава 3.

Рассказ занесен в летопись под 6683 (1175) г.[1] Начинается он с характеристики Андрея Боголюбского, где последний изображен как князь благоверный и христолюбивый.

За этим вступлением автор предложил нечто вроде акафиста Андрею. Здесь — многое от сказания о Борисе и Глебе. Чувствуя сам, что отклонился от повествования, автор поправил себя: «Мы же на преднее възвратимся».

Повествование начато с описания заговора, имевшего место в пятницу, во время обедни. Во главе его стал «Якимъ слуга», возлюбленный князем. Его напугал слух, что Андрей велел казнить его брата. Убить князя было решено в ночное время. В заговоре участвовали: Петр, прозванный «Кучковым зятем», Яким Кучкович, ключник Анбал, ясин, и еще человек двадцать. На канун праздника Петра и Павла подошли они к запертой ложнице Андрея и позвали князя голосом его паробка Прокопия. Андрей понял обман и не отпер спальни. Тогда выломали дверь, началась борьба: князь тщетно искал висевший у него всегда меч Бориса, но его предупредительно унес Анбал. Князь был силен, сопротивлялся долго, но пал под рядом сабельных и копейных ударов. Заговорщики, полагая, что все кончено, ушли, но князь со стоном сошел под сени. Убийцы заслышали его голос, зажгли свечи и по кровавому следу начали искать раненого. Видя неминуемую гибель, Андрей стал читать молитвы; «за столпомъ всходнымъ» он был найден и добит, причем Петр отрубил ему правую руку. Был убит на другой день «милостьникъ» княжеский Прокопий, начался грабеж имущества. Чтобы оборониться на всякий случай от прихода владимирцев, заговорщики собрали дружину. Владимирцы уклонились от вмешательства, грабеж продолжался.

На место происшествия пришел «Кузьмище киянин», чтобы найти тело князя. Ему сказали, что оно выволочено на огород, трогать его нельзя — хотят его «выверечи псомъ». Кузьмище стал причитать над телом своего господина, победителя болгар, павшего от скверных «ворожбитъ» своих. Увидя Анбала, Кузьмище стал просить ковер, чтобы покрыть труп, но тот подтвердил, что решено отдать его собакам. Тогда Кузьмище обратился к «еретику» с укоризной: помнит ли он, в какой сюда пришел одежде. Анбал бросил ковер и корзно. Завернув тело, Кузьмище принес его к церкви, но пьяные паробки отказались отпереть ее, сказав, чтобы бросил в притвор. Там тело пролежало два дня и две ночи. На третий день пришел игумен Арсений, настоял, чтобы церковь открыли, с клирошанами

[1] «Убьенъ бысть великій князь Андрей Суждальскій, сынъ Дюрдевъ, внукъ Володимерь Мономаха, мѣсяца іюня въ 28 день, капунъ святыхъ апостолъ, день бѣ тогда субота».

боголюбскими отпели князя и положили в каменную гробницу. Погром, между тем, продолжался, в город шли из деревень. Были разграблены дома посадников, княжеских тиунов, убиты детские и мечники князя. То же происходило и во Владимире, пока не положил конец погрому поп Микулица, прошедший город с богородичной иконой.

На шестой день «опомнились» владимирцы, послали игумена Феодула и доместика Луку за телом Андрея, а Микулицу с собором нарядили для встречи тела у Серебряных ворот города. Процессия собрала великое множество народа, плакавшего так, что «вопль далече бѣ слышати». С подобающими почестями положили князя у богородицы златоверхой, им самим созданной. Славословием новому мученику, «притекшему ко Христу» так же, как и «блаженные братья его — Романъ и Давыдъ» (Борис и Глеб), кончается повествование.

В Лаврентьевской летописи находится вторая редакция этого средневекового рассказа, являющаяся сокращением первой. Она там помещена вслед за летописными записями 6683 г. в виде отдельного сказания под заголовком: «О убьеньи Андрѣевѣ». Переработка этой, составленной на севере, редакции сказалась в том, что были смягчены резкие отзывы об отношении заговорщиков к убитому, выброшены драматические диалоги и художественные детали, смягчен агиографический тон. Редактор старался придать изложению объективность, так как предназначал композицию для помещения в официальный свод. Судя по заключительным словам повествования: «молися (Андрѣю княже великій) помиловати князя нашего и господина Всеволода, своего же приснаго брата, да подасть ему побѣду на противныя и многа лѣта, съ княгинею и съ благородными дѣтми, и мирну державу ему и царство небесное, ныня и присно, въ безконечныя вѣкы» — видно, что эта редакция составлена при жизни великого князя Всеволода III, т. е. между 1176 и 1212 гг.

Вторая редакция, как и первая, начата характеристикой Андрея, эта характеристика выделена, как вступление, словами: «убьенье же его послѣди скажемъ». Панегирик князю сохранен, но значительно сжат: выпущены указания на созидание и украшение церквей, сокращен акафист. В рассказе о заговоре перечислены те же лица, но выпущены переговоры князя с убийцами, не упоминается Прокопий, нет картины борьбы с богатырем-князем. Выпущен весь эпизод с Кузьмищем. Отсутствие последнего составляет, в сущности, основную разницу между редакциями. Выпуск этого эпизода повлиял на дальнейшее расхождение в фактической части. По изложению второй редакции — игумен Феодул с клирошанами и «Луци-

ною чадью» поехали в Боголюбово, взяли тело, привезли «съ честью» во Владимир и положили в созданном Андреем соборе. Описания встречи тела и плача нет. Стянута и заключительная похвала Андрею.

Полная драматического пафоса повесть эта находила многочисленных читателей. Привлекали обстановка, революционное окружение, искусно идеализированный облик главного героя. В то же время будили интерес многие детали, оставшиеся нераскрытыми. Особенно не ясны были причина заговора, личности главных руководителей. Кто такие «Кучковичъ» и «Кучковъ зять»? почему Якима князь любил, а брата его казнил? какого брата? Несомненно, существовали рассказы о событиях, так или иначе имевших место при Боголюбском восстании, но, как иначе окрашенные, они не попали в феодальную повесть.

Поэтому вполне естественно, что появились ее переработки. Великий князь Андрей был канонизован поздно, в 1702 г.; до этого времени существовало местное почитание его у гробницы во владимирском успенском соборе, церковью не установленное.[1] Благодаря этому церковному почитанию, облик князя укрепился в канонических формах прославляемого житием святого. Переработки шли на первых порах по этой линии.

В начале XVI в. появилась одна из таких переработок, которую исследователь княжеских житий[2] называет «церковной». Все внимание ее целиком направлено на описание убийства. Основанная на сокращенном тексте первой редакции, она не скупится на усиление уничижающей характеристики заговорщиков, называет их «окаянными убийцами Кучковичами». Вместе с тем переделка эта вносит новые дополнения: к заговорщикам присоединено еще имя Офрема Мойзича, добавлено, что князь был не один в ложнице — с ним находился еще слуга — «кощій», малолетний. Ему Андрей и высказал сомнение, голос ли Прокопия слышен за дверью. Речь князя убийцам и его молитва сохранены. Изложение заканчивается сценой добивания ухоронившегося в сенях Андрея и краткой заметкой о его погребении во Владимире. Переделка, таким образом, сохранила весь художественный протокол происшествия, сгустив краски в изображении действий членов «нечестивого совета».

Во второй половине того же XVI в. был составлен официальный сборник исторических статей агио-биографического характера — «Степенная книга».[3]

[1] Е. Голубинский. История канонизации святых в русской церкви, М. 1903, стр. 134, 59.

[2] Н. Серебрянский. Назв. соч. Приложение VI, стр. 87—89.

[3] Полное собрание русских летописей, том XXI, 1 половина, 6 степень, титла 14: «О убіеніи великого князя Андрея Георгіевича Боголюбского».

Она была рассчитана на торжественное чтение, на прославление представителей царствующей династии, как «святого семени блаженного Владимира». Там нашла себе место новая переделка средневековой повести.[1] В основу лег текст первой редакции, но без вступительной хвалебной характеристики Андрея. В изложение внесены новые детали, посвященные как раз дорисовке облика заговорщиков. «Діаволъ, сказано в ней, видя великого князя любимымъ отъ людей и добродѣтелямъ прилежащимъ воздвигъ брань отъ его домочадцевъ возлюбленныхъ бояръ Кучковичей». Они сначала, не без коварства, подбили Андрея взять без ведома отца икону богоматери, писаную евангелистом Лукой, и увезти ее с собой на север.[2] Этим Кучковичи надеялись снискать бóльшую милость и доверие у «самодержца». Из них наиболее близким к великому князю был «Якимъ Кучковитинъ», глава заговора. По совершении убийства, изложенного согласно первой редакции, злодеи понесли заслуженную кару от брата Андрея Юрьевича — Михаила, который, заняв владимирское княжение, предал их суду. Но этот князь вскоре умер, и возмездие довершил следующий брат, Всеволод III. Заговорщики подверглись различным казням, иные были помещены в короба и брошены в озеро.[3] Эта официальная переделка стоит на точке зрения первой редакции, утверждая, что великий князь Андрей «пріялъ мученическій вѣнецъ и мученическу ликостоянію причтеся».

В Никоновском летописном своде,[4] предназначенном также для феодального круга читателей, помещена новая переделка, не дающая, в сущности, никаких дополнений. Она представляет очень сжатый рассказ о происшествии, кроме одного списка XVII в., «Лобковского»,[5] где рассказ озаглавлен: «Убіеніе великого князя Ондрѣя Юрьевичя Боголюбскаго отъ Кучковичевъ въ Володимери». Изложение здесь напоминает вышеизложенную „церковную" переделку. В рассказе о погроме и переносе тела во Владимир Никоновская летопись следует за второй редакцией, но заключительное славословие основывает на материале первой. Упоминание о Всеволоде, определяющее время составления второй редакции, здесь риторически распространено, что доказывает позднюю переделку. Нового для разъяснения недомолвок эта переделка не дает.

[1] Васенко. Книга Степенная царского родословия, часть 1, СПб., 1904, стр. 232.

[2] Повторено в повести о владимирской иконе (Степенная, 13 степень, титла 6): Андрей взял это многоценное сокровище из Вышгорода, не сказав отцу, по льстивому совету окаянных Кучковичей.

[3] Повторено в Степенной, 6 степень, гл. 5 — «О великомъ князѣ Всеволодѣ Георгіевичѣ».

[4] Полное собрание русских летописей, т. IX.

[5] Список XVII в. В остальных заглавия нет.

Подробностей, повидимому, следует искать в произведениях, предназначенных для чтения иного класса. Историк XVIII в. Татищев,[1] изложив рассказ Ипатьевской летописи, дополнил его деталями, не встречающимися в изложенных выше переделках. У него впервые появляется личность княгини, жены Андрея. Она, оказывается, находилась с мужем в Боголюбове, но после состоявшегося у «Петра Кучковича» совета уехала во Владимир, чтоб утаить от людей готовящийся переворот. На другой день по убийстве княгиня, забрав имущество, бежала с Кучковичами из Владимира «в Москву». Причиной внезапного отъезда выставлена боязнь народного смятения в городе, где бо́льшая часть радовалась убийству, но «иные плакали» по князю. Тот же историк подробно рассказывает о возмездии Михаила за брата. Убийцы всячески старались не допустить Михаила занять великокняжеский стол, будучи уверены, что он отмстит кровь своего брата. Когда же Михаил вокняжился, он не показал виду заговорщикам, ревностно занялся подчинением непокорных и устроением земли. Однако, он все время держал злодеев на примете, пригласил к себе из Москвы вдову Андрееву, якобы для лучшего ее покоя. Улучив момент, великий князь созвал боярский совет, пригласил убийц и спросил их: «Почему вы превозносите меня за то, что я возвратил доходы церквам и монастырям? Ведь это дело брата моего Андрея, которому никакой благодарности вы не изъявили, хотя бы по его смерти». Те, полагая, что Михаил желает установить вечное церковное поминовение по покойном, согласно отвечали, что готовы исполнить княжескую волю, так как Андрей по многим своим благодеяниям достоин вечной памяти и хвалы. Тогда Михаил воскликнул: «Если брат мой убит невинно, отчего не отомщены убийцы. Если его убили по заслугам, то как можно говорить, что он достоин благодарности и похвалы!» Главных убийц схватили и с княгиней вдовою привели на суд. Кучковичи и Анбал были повешены и расстреляны, пятнадцати заговорщикам отрубили головы, а княгиню, зашив в короб, пустили с камнем в озеро, куда побросали и тела остальных. Озеро с того прозвалось Поганым. Имущество преступников было роздано на церкви и нищим. Рассказ этот Татищев, по его словам, взял из «Еропкинской» летописи. Из каких-то других рукописей заимствовал он осложнившие и без того драматическую повесть романтические подробности об Андреевой княгине, имени пока не носящей. Оказывается, и она принимала участие в заговоре, находилась в каких-то близких отношениях с Кучковичами, жила с ними в Москве;

[1] История российская, книга 3, изд. 1774 г.

ее постигла особо тяжкая и позорная казнь. Однако, облик этой женщины, причины, побудившие совершить «злое дело», остались далеко не разрешенными. Татищевское повествование только приковало взор к средневековому туману. Достоверность свидетельств историка XVIII в. подтверждается, тем не менее, двумя местными боголюбскими преданиями. По одному — в семи верстах от Владимира, недалеко от левого берега Клязьмы, находится Пловучее озеро. Окруженное частью бором, частью мелколесьем, оно на своих темных водах качает оторванные куски торфяной почвы. Это, по поверью, короба Кучковичей, брошенных сюда для казни. Особенно страшно озеро в ночь на 29 июня — день Петра и Павла, когда слышится унылый стон злодеев, и по поверхности озера ходят волны.[1] Другое предание касается княгини: в семи верстах от того же города за Клязьмой есть другое озеро, такого же болотного происхождения, называемое Поганое или Поганец. Сюда, с камнем на шее, была брошена Андреева княгиня, знавшая о заговоре и уехавшая в Москву, но приглашенная во Владимир, якобы на пир. Озеро глубоко и недоступно из-за береговой трясины.[2]

Это местное предание о княгине, во-первых, подтверждает татищевский источник, сообщающий, что Михаил лестью выманил к себе из Москвы великую княгиню, во-вторых, последняя здесь впервые получает имя «Улита» и поставляется в близкое родство с Кучковичами, которые безраздельно зовутся ее «братьями», хотя Яким и Петр средневековой повести кровными родственниками не были: Петр был лишь «Кучковым зятем». Автор исторического описания Боголюбова монастыря не говорит, откуда он взял имя великой княгини, но пользуется им не раз. Помещенная в приложении к его книге выписка из рукописного жития Андрея Юрьевича, хранившегося в монастыре, но потом пропавшего, в известной степени объясняет, откуда вышло «братство» заговорщиков. Житие это позднее, составлено под влиянием жития Степенной книги и приспособлено для монастырского обихода. Князь изображен в нем с юности отвратившимся от «мірскихъ суемудрій», прилегавшим к книжному поучению, церковному пению; он уклонялся от многой пищи, «сладких ароматъ и любоплотія». Нищелюбец,

[1] Добролюбов. Древний Боголюбов город и монастырь, М. 1852, стр. 116 и сл. Говоря о «новейших» летописях, автор нигде не определяет их сколько-нибудь подробно.

[2] Ср. Островзоров (Историческое описание Боголюбова монастыря. Владимир на Клязьме, 1875), который говорит: «Из убийц одни были казнены Михаилом, другие, Кучковичи, Всеволодом. В 7 верстах от Владимира в Ямском лесу находится «Плаучее» озеро; сюда были брошены Кучковичи. Улита, вероятно, знала о заговоре, ибо уехала на другой день в Москву. Она была брошена в озеро «Поганое» или «Поганец» у деревни Байгуши, на Муромской дороге. Старожилы указывают на тропинку, по которой ведены были Кучковичи: так как кругом была топь, то для прохода тогда насыпали еловых шишек».

кроткий сердцем, утешитель скорбных, молитвенник и боголюбивый храмоздатель, он «воспріялъ блаженную и страдальческую кончину въ Боголюбове, на своемъ дворѣ, отъ Якима и Петра Кучковичей, Анбала ключника, ясина, от Ефрема Музовитина, отъ своихъ домочадцевъ, проклятыхъ Кучковичей, в 6683». Здесь прозвище «Кучковичи», распространенное на всех заговорщиков, объединило Якова и Петра как бы одним отчеством, и они стали пониматься как братья.

Рассмотренное житие, определенно рисуя Андрея аскетом, дополняет его характеристику указанием на то, что князь любил охоту за дикими зверями, для чего основал «городок» подле села Доброго, где устроил потешный дворец, охотничий домик, куда не раз приглашал свою супругу Улиту. Имя, следовательно, встречается не только в местных преданиях, но и в житии.

Существовал, очевидно, какой-то комплекс преданий, где семейству Кучковичей отводилась ведущая роль в восстании XII в. С преданиями средневековая повесть была знакома, но полностью не воспользовалась, так как ее задание было иное. Впоследствии, когда в сюжете стали выдвигаться романтические подробности, на Кучковичей внимание обратили. Политическая причина убийства была забыта, о ней ведь неясно говорил и средневековый рассказ. Стала интересовать внешняя обстановка происшествия, взаимоотношения заговорщиков. Среди последних выделялись Кучковичи, поставленные в близкое родство с княгиней. Отсюда вырастала роль последней как личности. На самом деле «великой княгине Улите» выпало на долю стать литературной героиней.

В числе материалов, которыми он пользовался при своей работе, Татищев указывает на одну Степенную книгу, где рассказ об убийстве Андрея был изложен совершенно своеобразно.[1] Великий князь Юрий Владимирович в 1147 г. построил город Москву и женил своего сына Андрея на дочери жившего на месте будущего города некоего Кучка, которого предал казни за какую-то вину. А в Еропкинской Степенной книге, говорит тот же историк, к этому прибавлено, что у Кучка остались, кроме дочери, два сына, ставшие любимыми шурьями Андрея, но один был казнен за преступление. Тогда другой и сестра его, великая княгиня, возымели злобу на Андрея Юрьевича, стали искать случая погубить его; так как во Владимире это сделать было неудобно, то убили в Боголюбове. — При такой конъюнктуре причина заговора объясняется родовой местью: сестра и брат

[1] История российская, книга 3, прим. 512.

вступились за казненных отца и другого родного брата. Мстили владимиро-суздальским великим князьям какие-то владетели территории, на которой отцом Андрея был основан город Москва.

В какой степени, однако, правдоподобны эти исторические свидетельства? М. П. Погодин,[1] задавая вопрос, на ком женат был Андрей Боголюбский, отвечает: «древние летописи об этом молчат, новые же утверждают, что на дочери боярина Кучки, который владел местностью Москвы». Историк принимает это указание за достоверное: Кучковичи, по его словам, играют важнейшую роль во всей жизни великого князя; они же его убедили переселиться в Суздальскую область; Москва, повидимому, осталась за ними.

Надо заметить, что Татищев не называет дочь Кучка по имени. Умалчивает и Погодин.

Существует, однако, указание, что Кучковна не принимала участия в убийстве. Тверская летопись,[2] под 1175 г., повествуя о смерти Андрея, говорит, что великий князь погиб «отъ своихъ бояръ, отъ Кучковичевъ, по наученію своеа ему княгини. Бѣ бо болгарка родомъ и дрьжаше къ нему злую мысль, не про едино зло, но и просто, иже князь-великій много воева съ нимь болгарскую землю, и сына посыла, и много зла учини болгаромъ; и жаловашеся на нь втайнѣ Петру, Кучкову зятю». Выходит, что Андрей был женат дважды: на Кучковне, московской боярышне, от которой у него был уже взрослый сын, и на болгарке, питавшей к мужу злобу и бывшей в каких-то отношениях с Петром, Кучковым зятем. Татищев определенно утверждает, что Андрей был убит при участии второй жены, которую ошибочно считают уроженкой Кавказа — «ясыней». «Ясыня» была женой Юрия Долгорукого, а болгарку, Андрееву княгиню, вероятно, и звали Улитой.

Таковы они — эти смутные фигуры средневековой дали. Повесть о Боголюбском восстании, проходя ряд переделок и изменений, неожиданно оказалась связанной с древнейшими преданиями о Москве.

Москва, по древним летописям, прозывалась Кучковым. Ипатьевская летопись, упоминая о походе Андреевых братьев — Михалка и Всеволода, говорит, что они шли «до Кучкова, рекше до Москвѣ». Историк Москвы[3] считает «Кучково поле» прилегавшим к кремлевской стене. Москва, следовательно, была связана с именем какого-то «Кучка».

[1] М. П. Погодин. Князь Андрей Юрьевич Боголюбский, М. 1850.
[2] Полное собрание русских летописей, т. XV, стр. 250—251.
[3] И. Забелин. История города Москвы, ч. I, М. 1902, стр. 5.

На самом деле существует рассказ о боярине Кучке, казненном основателем Москвы, великим князем Юрием Долгоруким. В основе этого рассказа положен широко распространенный мотив о поставлении больших и славных городов «на-крови», т. е. ценою чьей-то гибели. Так основался Рим, Константинополь, так должна была возникнуть и Москва, считавшаяся «третьим Римом». С романтическими подробностями рассказ этот приведен Татищевым в его «Истории»:[1] Великий князь Юрий Владимирович, хотя имел жену, достойную любви, часто навещал жен своих подданных. Среди таких возлюбленных владела им всего сильнее жена суздальского тысяцкого Кучка. Последний узнал о связи жены своей и, подстрекаемый Юрьевой женою, посадил жену свою в заточенье, а сам вознамерился уйти к Изяславу в Киев. Юрий, собравшийся в поход на Торжок, проведал об участи любовницы, оставил войско и в сильном гневе помчался к Москве-реке, на берегу которой жил Кучка. Тут он предал его скорой смерти. Местоположение Кучкова поселка столь пленило Юрия, что он заложил здесь город и прожил некоторое время. Здесь же решил он женить своего сына Андрея на Кучковне; на свадьбу был позван северский князь Святослав (отец Игоря, героя известной поэмы) со своим сыном Олегом. Брачное торжество длилось пять дней. Одарив гостей, великий князь отпустил их, а сам вернулся с молодыми в Суздаль.

Рассказ этот позднего происхождения, по словам Татищева — точно воспроизведен им «по раскольничьему манускрипту» — летописи, взятой у одного раскольника в Сибири в 1721 г.[2] Он вводит в цикл повестей о начале Москвы, интересных не только по своему содержанию, но и по тому завершению, которое проделала в своем развитии средневековая повесть о Боголюбском восстании XII в.

С повестями о начале Москвы впервые познакомил читателей тот же Татищев. В летописях Голицинской и Никоновской, говорит он, основание Москвы показано в 1151 г. Старинные объяснения возникновения города различны. Одни, согласно польскому историку Стрыйковскому, производят имя Москвы от библейского Мосоха, но это не доказательно, другие предлагают «особое сказание» об убийстве Кучковичами Андрея Боголюбского, третьи приписывают строение Москвы князю Данилу Александровичу, но, «не справясь с историями, басню сложили». Татищеву, следовательно,

[1] История российская, ч. 2, см. также прим. 418.

[2] Ее название: «Повѣсть временныхъ дѣй Нестора черноризца Феодосьева печерскаго монастыря». Оканчивалась она 1197 г. Упоминаемая ниже «Голицинская летопись», из библиотеки князя Дм. Голицына, по словам Татищева «очень обстоятельная», но обрывавшаяся на 1198 г. Все это, несомненно, поздние летописные своды.

наиболее историчным казался рассказ раскольничьего манускрипта. Но, как поздний по происхождению, он в значительной степени подвергся литературной обработке: за отнятием романтических подробностей останется только то, что Москва была основана на крови боярина Кучки, на дочери которого женился Андрей Боголюбский.

Обстоятельнее коснулся этого «исторического баснословия» Карамзин.[1] Опустив досужее размышление о тожестве имен Мосох — Москва, он наметил три вида повестей о начале Москвы, содержание которых пересказал. Первая повесть носит заголовок «Лѣтопись о зачалѣ царствующаго града Москвы». Она и есть то «особое сказание» об убийстве Андрея, о котором говорил Татищев. Карамзин определяет ее: «сия повесть сочинена в новейшие времена и содержит в себе явные ошибки», с точки зрения, конечно, историка. Вторая — «гораздо обстоятельнейшая повесть о начале Москвы, изобретенная совершенным невеждою», «басня, писанная размером русских сказок». Это — повесть о Даниле Александровиче Московском и о зачале Москвы. Наконец, третья, оставшаяся Татищеву неизвестной, была названа Карамзиным «сказкой» по безнадежному несоответствию историческим фактам.

Отринутые историками, эти чисто беллетристические произведения не были предметом историко-литературного разбора. Между тем по сложности композиции, по своеобразному замыслу и по влиянию на последующую литературу, они заслуживают глубокого внимания и представляют большой интерес, как переход от аскетического жанра средневековья к светской новелле с любовным элементом.

Повести о начале Москвы представляют три самостоятельных композиции:

1. Обычно помещаемая в хронографических сборниках, с уклоном к летописному повествованию, будет носить название: Хронографическая повесть.

2. Благодаря наличию художественных описаний и любовного элемента, при большом удалении от подлинной истории: Новелла.

3. По некоторому однообразию приемов изложения, полному разрыву с исторической действительностью и наличию элемента чудесного: Сказка.

Списков повестей много: они служили любимым чтением. Все рукописи не старше XVII в., скорее даже конца его. Нужно думать, что и повести составлены не раньше того же XVII в., когда явилась мода на генеалогические и баснословные упражнения на исторические темы.

[1] История государства российского, т. II, прим. 301.

Работа основана на следующих рукописных и печатных текстах:

1. Хронографическая повесть. Напечатана не была, пересказана И. Забелиным в «Истории города Москвы», стр. 37—39. Списки: 1. Гос. публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина, F. IV. 217 (Толстого I. 188), к. XVII в.; 2) Всес. публ. библ. им. Ленина, б. Румянц, № 2422, XVII—XVIII в.; 3) там же, б. О-ва ист. и др. р. № 212, к. XVIII в.; 4) Гос. Ист. музея № 998, XVIII в.; 5) там же № 1961, XVIII в.; 6) там же, собр. Забелина № 463, XVII—XVIII в.; 7) там же, собр. Забелина № 474, к. XVII в.; 8) там же, собр. Уварова № 1308, XVIII в.; там же. б. Синод. библ. № 153, н. XVIII в.; 10) там же, б. Синод. библ. № 607, н. XVIII в.

II. Новелла. Напечатана: 1) Карамзиным по списку Синод. библ. № 529, теперь № 964. Это «летопись Каменевича-Рвовского» — «О древностях Российского государства», составленная в 1699 г.; 2) А. Д. Чертковым во Временнике О-ва истории и древностей российских, 1851 г., кн. II, смесь, стр. 25—29. Рукопись не указана, замечено только: «сказание сие помещено в одной Новгородской летописи к. XVII — нач. XVIII в.». В единственном примечании сказано, что Каменевич-Рвовский не был сочинителем повести, но что «она была в преданиях народных и заносилась даже в летописи». В действительности рукопись эта б. Синодальной библиотеки № 794, н. XVIII в., содержащая третью Новгородскую летопись. Текст новеллы сокращен, но особой редакции не представляет: 3) П. Н. Рыбниковым в «Памятной книжке Олонецкой губ. на 1864 г.», стр. 185—190, без комментариев; текст сокращен; 4) И. Забелиным в «Истории г. Москвы», стр. 31—37, по собственной рукописи. Списки новеллы: а) Гос. публ. библ. Q. IV. 372, XVIII в.; б) Всес. публ. библ. им. Ленина, б. Румянц., № 1841. XVIII в.; 3) там же, № 2422, XVII—XVIII в.; 4) Гос. Ист. музея № 998, XVIII в.; 5) там же, собр. Барсова № 1790. XVII—XVIII в.

III. Сказка. Напечатана: 1) Карамзиным и 2) Забелиным (указ. соч., стр. 29—30). Списки: 1) Гос. публ. библ. F. IV. 217 (Толстого I. 183), к. XVII в.; 2) там же, собр. Буслаева Q. I. 1157, к. XVII в.: 3) Всес. публ. библ. им. Ленина, б. Румянц. № 2425, XVIII в.; 4) Гос. Ист. музея № 998, XVIII в.; 5) там же, собр. Забелина № 547, XVIII в.

1. Хронографическая повесть

Сообразно месту нахождения — в исторических сборниках, — изложению придан характер вставного рассказа в ряд летописных известий. Поэтому ее отдельные части начинаются хронологическими датами. Господ-

ствующее заглавие вариантов: «О зачалѣ царствующаго великаго града Москвы како исперва зачатся».

Вступлением определяется основной мотив композиции повести: — все христианские царства прекратили существование и слились в едином Российском государстве, по пророческим книгам. Два Рима пали, третий стоит, четвертому не быть. Поистине царствующий град Москва прозывается третьим Римом, потому что его зачало ознаменовано так же, как первого и второго. Когда первый Рим созидался Ромулом и Ремом, стали копать ров и нашли голову только что убитого человека, источающую теплую кровь и имеющую лицо как живое. Узрев ее, некий знаток знамений сказал, что этот город станет главой многим, но много и крови прольется. Равно и основание второго Рима, т. е. Константинополя, не обошлось без убийств и кровопролития. Так и нашего третьего Рима, Москвы, зачало было не без крови, но по убийстве и обильном кровопролитии. Если же и находятся некоторые соседи, из вражды шипящие: где это видано или слыхано, чтобы Москва звалась царством и землями и царствами обладала, — то они одержимы людским недомыслием, не разумеют слова божия «яко всемощенъ богъ и отъ несущаго въ сущее привести, яко же искони вселенную».

Повесть предполагает рассказать, следовательно, каким образом построен на крови третий Рим — Москва. Под «христианскими павшими царствами» автор разумеет Римское и Византийское.

Полемический выпад вступления звучит патриотическим сознанием могущества Московского государства. Такое сознание могло появиться только к концу XVI в., после покорения царств Казанского и Астраханского, при наличии постоянно враждебно настроенного соседа — Польско-литовского государства. Повесть, следовательно, ранее конца XVI в. появиться не могла.

В виду назначения текста повести для хронографов, дальнейшему изложению придан вид летописный. За вступлением помещена следующая помета: — В 7633 (1125), по смерти благоверного царя и великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха великим князем в Киеве сел его сын Юрий Владимирович «Мономашь», при нем были дети Всеволод с братьею, а старшего сына Андрея Юрьевича Боголюбского он посадил княжить в Суздале и Владимире.

Далее начинается собственно повесть, опять с погодной отметки: В 7666 (1158) году, когда великий князь Юрий Владимирович отправился из Киева во Владимир к сыну своему Андрею, наехал он на место, где

теперь стоит Москва. На красивых берегах реки Москвы раскинулись села богатого боярина по имени Степан Иванович Кучко. Гордый помещик не оказал подобающей чести великому князю, обошелся с ним пренебрежительно. Великий князь не стерпел обиды, приказал схватить боярина и предать смерти. Увидав двух сыновей его, прекрасных юношей, и дочь, такую же красавицу, он отослал их к Андрею Юрьевичу во Владимир. Сам же обозрел оба берега реки Москвы, Неглинную, и понравился ему этот поселок. Тогда великий князь приказал наскоро сделать здесь небольшой деревянный город и назвал его Москвою, по имени реки, текущей у подошвы горы. По прибытии во Владимир к сыну, он выдал за него дочь боярина Кучка. Великий князь долго жил у сына и наказал населить Москву город и расширить. Затем Юрий Владимирович вернулся в Киев, с ним поехал и Андрей.

Эта часть представляет, собственно, рассказ об основании Москвы. Не столь романтичный, как татищевский, он, в сущности, мало отступает от предания, изложенного историком. Построение города на крови — налицо: своенравный Кучко пролил кровь за свое высокомерие. После него остались дети: в двух списках[1] они поименованы: сыновей, оказывается, звали Петр и Яким, дочь — Улитой. Здесь ясно позднейшее домышление: зять Кучков Петр превратился окончательно в родного брата Якима; процесс превращения был указан выше; Улитой, по вышесказанному, должна была называться вторая жена Андрея, болгарка. Имена понадобились потому, что этим персонажам отводится главная роль в рассказе. И боярин Кучко назван по имени и отчеству. Автором, видимо, руководило желание проследить всю судьбу первоначальных поселенцев Москвы, окончившуюся гибелью всего Кучкова рода. Так как Кучковичи были связаны узами родства и дружбы с Андреем Боголюбским, о котором существовала средневековая повесть, то именно ее со всеми наросшими добавлениями должны были использовать в качестве материала для распространения повествования. Автор, заставляя великого князя любоваться красотами рек Москвы и Неглинной[2] с высоты холма, выдает свое московское происхождение.

— В том же году, продолжает рассказ, вернулся из Киева князь Андрей Юрьевич во Владимир, принеся с собой икону богородицы, бывшую раньше цареградской. Князь Андрей возложил всю надежду на бога, пекся не о земном, а стремился к небесному, даже во сне не мечтались ему женские соблазны, он созидал церкви и довольствовал нищих. Но все это было

[1] Синод. 607, Увар. 1308 (670).

[2] В некоторых списках и «Яузой».

неприятно жене его, которая требовала объятий и плотского союза. Между тем шурья князя, Кучковичи, выросли и проживали в великом почете у Андрея Юрьевича. С ними-то великая княгиня и вступила в заговор. Однажды она тайно провела их к ложу своего мужа и предала его во вражеские руки. Убит был великий князь Андрей 29 июня 7683 (1175), и тело его брошено в воду. Убийц вскоре постигла кара.

Так передано здесь содержание средневековой повести. Сохранена характеристика Андрея, как горячего молитвенника, аскета, нищелюбца и храмоздателя. Последняя черта развита притянутым известием о переносе с юга на север цареградской иконы богоматери, на что, как было выше указано, подбили его те же Кучковичи.

В объяснении причины убийства повесть коренным образом разошлась с традицией средневекового рассказа. Аскетическому миропониманию Андрея противоположен полный земных страстей темперамент княгини. Неудовлетворенная страсть вызвала в ней ярость, приведшую к желанию покончить с мужем; для этой цели она вступила в заговор с братьями своими. Как бы ни отдалялась от исторического подлежащего средневековая повесть, все же в ней существовали намеки на политические причины, вызвавшие событие: Яким сделался заговорщиком из опасения, что ему грозит участь, только что постигшая его родного брата; заговор обрисован как оппозиция великому князю, которым многие были недовольны и выразили свою месть в разгроме княжеского имущества и уничтожении чиновников. В Хронографической повести причина заговора — интимная, она не выходит за пределы одного семейства Кучковичей. Здесь — литературная надуманность, плохо мотивированная: к чему братьям понадобилось столь решительно ввязаться в отношения чисто супружеские? Драма была бы налицо, если бы кто-нибудь из них был любовником княгини. Эротический элемент в этом месте Хронографической повести, несомненно, мерцает, но она еще крепко связана с материалом, из которого вышла.

Такое изменение средневековой повести находится в прямой зависимости от источника, на основании которого проработана эта часть Хронографической повести. Его можно указать. В византийской средневековой литературе существовало несколько отдельных рассказов о воцарении и убийстве императора Никифора Фоки. Из их числа один находится в стихотворной летописи византийца Константина Манассии (1081 г.), славянский перевод которой существует.[1] В русском хронографе редакции

[1] П. Сырку. Византийская повесть об убиении императора Никифора Фоки в старинном болгарском пересказе, СПб. 1883, стр. 69 и сл.

1512 г. этот перевод повторен под заглавием «Царство Никифора Фоки».[1] То же самое находится в Никоновской летописи: «Царство Греческое Никифора Фоки».[2] Победоносный воевода Фока в то же время «душу являше благодатьми свѣтящуся», на теле носил под багрецом власяницу, удерживался от «мясоястныхъ трапез». Но погубил его супружеский союз с Феофаной. Царица полюбила Иоанна Цимисхия и заставила мужа вернуть его из ссылки, куда было отослал его Фока из-за ревнивых подозрений. И вот на фоне этой женской страсти вокруг императора стала плестись роковая сеть. Весь ход заговора и гибель Фоки целиком перенесены в Хронографическую повесть:

Перевод Манассии	Хронографическая повесть
Фока... *яко орелъ ношашеся, періемъ высокопарнымъ легцѣ възношашеся к добродѣтели* въздуху. Тѣмъ *въ устѣхъ бѣ ему Давыдъ медоточный и долу леганіе на жестоко посланнѣй постели:* постель же златотканныхъ и мягконасланныхъ и *плотьскаго смѣшенія до конца ошаяся, и ни въ снѣхъ мечташеся ему, паче же рещи, яко звѣздамъ уподобляшеся всякимъ сладодушіемъ; удаляя бо удалися, и отбѣже бѣгаа, и особящаяся на здѣ бысть птица и нощный вранъ безъ сна* на здании. *Но бяху неугодна сія* царици: *требоваше бо пригорновенія и плотьскаго смѣшенія;* въспріемши же Цимисхія благовременнѣ и привязавшися ему любовію, бѣ же и онъ *зло мысля на* царя, възводитъ того *отаи* съ многими оруженосцы, и представляеть того лвову *ложу*, сирѣчь Никифора Фокы, *и предаетъ того*, о горе!	Сей убо благовѣрныі великиі князь Андрѣй... *яко орелъ ношашеся перием высокопарным* и *лехцѣ возношашеся к добродѣтелѣм*, и *во устѣхъ ему бѣ Давыдъ медоточныі и долу легание на жестокой посланнѣй постели* и *плотскаго смѣшения* со женою *до конца ошаяся, и ни во снѣхъ ему* соблазны *мечтахуся, паче же рещи, яко звѣздамъ уподобляшеся всякимъ сладкодушіемъ*, церкви созидая и нищихъ удовляя; *удаляясь убо, удалися* от нея *и отбѣжа. бѣгая и особящаяся на здѣ бысть птица і нощный вран без сна* на нырищи. *Но сія вся неугодна быша* женѣ его, *требоваше бо пригорновения и плотскаго смѣшения.* И присно преж помянутым шурьямъ его Кучковичемъ, возрастѣшим и живущимъ у великого князя Андрѣя в велицѣй чести, с ними убо жена его совѣ-

[1] Полное собрание русских летописей, т. XXII, гл. 176, стр. 359.
[2] Полное собрание русских летописей, т. IX, стр. 31.

врагомъ супружника своего, яко Самъпсона Далида убійственнаа, яко Тиндарида съжителя своего, храбраго ироя. Кая убо щенца кормящіа львица дрѣзну таковаа, или кій тигропардусъ, *или злогнѣвнаа мечка? Обтекоша* же Фоку *слѣдящеи пси и обрѣтоша его на худѣ лежаща долу леганіи, и убиваютъ его немилостивно, имуща въ устѣхъ божественнаа словеса, и кровь убо течаше праведнаго по земли, яко Авеля древле* отъ руку братоубійственную Каинову, и къ богу възпущаше вопля плачевныа.

щася и *зло мыслитъ* с ними *на* господина своего. И по некоемь времѣни *отаи* приводитъ ихъ *к ложу* его *и предает его* в руцѣ *врагом супружника своего, яко Сампсона Далида и яко убивственная Тиндарида сожителя своего, храбраго героя. Кая убо щенца кормящая львица дерзну* когда *таковая* сотворити *или* кая *злогнѣвная мечка* сице содѣя? *Втекоша* убо убиіцы ониі окаянниі Кучковичи со оружіемь к нему, яко *следящіи пси и обрѣтают его на худе лежаща долу леганиі, убивают*[1] *его немилостивно, имуща во устех божественная словеса, и кровь убо течаше по земли праведного, яко дрѣвлѣ Авелева.*

Русскому автору почувствовалась драматическая параллель между двумя средневековыми происшествиями, в известной степени сходными. Он перенес поэтические строки Манассии в свою повесть о Москве, но не смог, по традиции, воспользоваться эротикой. Любовный элемент, к полной неясности рассказа, был опущен. Толчок развитию этого мотива, однако, был дан и нашел себе полное отражение в другой повести — новелле, которая, порвав с аскетической традицией, разработала взаимоотношения героев исключительно на любовной канве.

Повесть кончается заключением. — В 7684 (1176) пришел из Киева во Владимир брат убитого, князь Михаил Юрьевич, предал смерти убийц, тела бросил в озеро, а сноху приказал повесить на воротах и расстрелять из многих луков. На великом княжении он пробыл год и скончался. — Далее в списках идут летописные записи, начинающиеся с княжения Всеволода, и повесть или вливается в общее содержание хронографического сборника, или выделяется в самостоятельное целое. В последнем случае заключительные летописные заметки группируются около рода Андрея Боголюбского и доводятся до Ивана Калиты включительно.

[1] Перед «убивають» — дата: «в лѣто ҂ѕхпг июня въ кд-е».

В словах повести: «Вся убо християнская царьства в конецъ преидоша и снидошася во едино царьство нашего государя по пророческимь книгам, то есть Россиіское царъство. Два убо Рима падоша, третиі же стоитъ, а четвертому не быти». Такая точка зрения определялась из сознания возвышения России и веры «в историческое призвание» русского народа. Хронографическая повесть, повторяя буквально слова Филофея, еще раз показывает, что ранее XVI в. она не могла возникнуть. Однако, она — памятник более поздний. Во второй половине XVII в. идеями старца Елеазарова монастыря был проникнут кружок провинциальных ревнителей благочестия, которые любили цитировать Филофея, выступая противниками никоновской реформы. Вообще в XVII в. после «смутного времени» эта идея была особенно в ходу, поэтому и разбираемая повесть, списки которой все принадлежат концу XVII и XVIII вв., возникла не ранее конца первой половины века. Кроме того, вся она проникнута той манерой исторического баснословия, которая из Польши через южноруссов была перенесена в Московскую Русь в XVII в. В хронике Феодосия Сафоновича 1672 г., Синопсисе Иннокентия Гизеля 1674 г. давались объяснения происхождению русского народа и города Москвы. Последний связывался с именем Мосоха, шестого сына Иафета, внука Ноева. Этим объяснением интересовался дьякон Каменевич-Рвовский в своем «начертании»: «Лѣтописецъ вкратцѣ о Россійстѣй землѣ», доведенном до 1650 г. Можно думать, что появление Хронографической повести о начале Москвы было вызвано желанием противопоставить иноземным гипотезам южных хроник свои объяснения происхождения стольного города. За дело взялся человек начитанный, знакомый с легендою о Кучковичах в версии, возможно, ныне уже неизвестной, с хронографическими повестями, вращавшийся в среде литераторов, публицистов и не чуждый литературного таланта. В разбираемом памятнике налицо все признаки исторического романа в его позднейшем выражении: материал начинает отвлекаться от исторической реальности к поэтическому замышлению, хотя излагаемому придается правдоподобие.

2. Новелла

Списки Хронографической повести не всегда вливаются в общее содержание исторических сборников. Иногда повесть представляет там часть как бы «Московской летописи» и отделяется от остальных статей, иного содержания, киноварным заглавием и законченностью изложения. Так в одной рукописи такая «Московская летопись» называется «Книга великого царствую-

щего града Москвы», начинается Хронографической повестью, продолжение ее заполнено сведениями о Михаиле и Всеволоде Юрьевичах, затем идут краткие заметки о взятии Владимира Батыем, разорении Москвы в 6745, пленении князя Владимира Юрьевича и убиении воеводы Филиппа, о Ярославе Всеволодовиче и сыне его Александре Невском.[1] «И по немъ, продолжает летопись, начаша княжити в русской земле братья его и сынове его. А сынъ его великій князь Данило Московскій. В та же лѣта быша на рускую землю от татаръ насильства злая, сынове же великого князя Данила Московского Юрьи, Александръ, Борисъ, Іоаннъ, Афанасій. Бытіе же сыновъ Александровыхъ и великого князя Даніила Московского лѣтъ 40. Сей великій князь Даніилъ паче возлюби в Москвѣ жити і созда паче первого и граждане насели, бѣ бо добродѣтеленъ і нищелюбивъ и по премногу къ богу имяше вѣру и молитву и слезы вѣлія, и от того прославися паче град Москва. Пожив же на Москве князь великій Данила Александровичь лѣтъ 12 и преставися в лѣто 6811 (1303) марта 12 день и положѣнъ в созданном от него монастыре нареченном по имени его Даниловском. По нем начаша княжити в руской землѣ сродичи его и сынове его, и бысть княженія его 25 лет». Далее идут краткие сведения о приходе на Русь Петра митрополита, создании каменных церквей и деревянной ограды в Москве, смерти митрополита Петра и князя Ивана Калиты, который стал писаться при своей жизни «великимъ князем Владимірскимъ, Московским и всея Русіи». Заметкой 6875 г. о создании каменных стен великим князем Дмитрием Ивановичем Донским заканчивается текст этой части сборника, отделенной от других киноварным заглавием. Такая обработка показывает стремление сводчика оформить и исчерпывающе осветить повествование о «зачале царствующего града». Андрею Боголюбскому, столь трагично связанному с Кучковым, т. е. с Москвою, которую он населил и приукрасил, уподоблен его нисходящий сородич, такой же как и он, добродетельного жития, нищелюбец и храмоздатель, Даниил. Он «еще больше» возлюбил город, украсил его монастырем, прославил своим мудрым княжением и сыновьями, из коих Иван Калита стал даже именоваться «великим князем всея Русии». Даниил Московский понимается, таким образом, как второй основатель Москвы и первоположник московского великого княжения.

Последний факт исторически объясним. Когда Москва и Московское государство стали пониматься безраздельно, Даниил легко мог быть

[1] Сборник Гос. Исторического музея № 1961, 40, XVIII в. лл. 158—168. Еще в сборнике того же музея № 998, где Московская летопись продолжена до Симеона Гордого (л. 686 об.).

сочтен и за основателя самой столицы великого государства. По крайней мере так допускало его официальное чествование; отсюда таким его обликом могла воспользоваться и литература в виде разбираемой Новеллы.[1]

Новелла помещается в исторических сборниках различного состава. Печатные и рукописные тексты ее содержат одну редакцию. Варианты сводятся или к неискусным попыткам витиевато выразиться, стилистически округлить, дополнить фразу, или к сокращениям без редакционных изменений. Печатный (чертковский) текст сокращен потому, что предназначался для включения в летопись. Заглавия даны не всеми текстами и не однообразны. Иногда они формулируют содержание в соответствующих хронографической повести полемических чертах: «Сказание о зачалѣ великого государства православнаго царствующаго града Москвы, како и в кое время и по какому случаю такое великое государство зачалося и толико распространилося и прославилося» (б. Румянц. музей № 2422). Иногда передают его близко к содержанию. Всего отчетливее заглавие находится в двух списках б. Синодальной библиотеки: «О зачалѣ Московскаго государства и о первомъ великомъ князѣ Даніиле Александровиче Московском Невского» (№ 794) и «Повѣсть о убіении суждальского князя Даніила Александровича и о началѣ града Москвы и великомъ княженіи сына евовъ Москвѣ Івана Даниловича Калиты» (№ 964).

Героем новеллического повествования является, стало быть, сын Александра Невского — Даниил, начавший княжить в Москве в 1272 г., когда ему было 11 лет, и умерший на княжении в 1303. Сообщаемые Новеллой сведения о нем не имеют ничего общего с подлинной биографией этой исторической личности. Такое категорическое уклонение от истины и заставило Татищева назвать это произведение «басней», которую сложили, «не справясь с историями», а Карамзина — «басней, писаной размером старинных русских сказок, изобретенной совершенным невеждою». Ее, впрочем, и современники квалифицировали скорее как произведение беллетристическое: в противоположность Хронографической повести, позирующей на историчность, она везде помещена самостоятельно, не вводится в общелетописное изложение.

[1] Полный текст Новеллы с пророчеством митрополита Петра в конце был переведен на греческий язык в Москве в Иверском никольском монастыре, по мнению издателя повести Х. Лопарева, в 1693 г. — см. издание текста по иерусалимско-константинопольской рукописи № 176. Х. Лопарев. Повесть о смерти князя Даниила Александровича и о начале Москвы. Отчеты о заседаниях Общества любителей древней письменности в 1899—1900 г. СПб. 1901, Пам. др. п. и иск. № CXII, приложение, стр. 15—34.

У Новеллы, на самом деле, назначение иное. Она любит подчеркнуть свою связь с биографией князя Даниила и в некоторых сборниках является как бы продолжением или главой жития московского князя. Так, напр., в сборнике б. Синодальной библиотеки № 794, содержащем летописные рассказы типа Иоакимовской летописи, помещена краткая «Повѣсть о великомъ князѣ Даніиле Александровичѣ Московскомъ» — его жизнеописание, затем, в качестве прямого продолжения следует: «О зачалѣ Московского государства» — Новелла (тоже в сокращении). В рукописи той же библиотеки № 607, на лл. 116—187 об., находится «Повѣсть о великомъ князѣ Даніилѣ Александровичѣ Московскомъ и всеа Россіи чюдотворцѣ», разделенная на 11 глав. Последняя, органически входящая в состав повести, рассказывает «О зачатіи царствующего града Москвы, како исперва зачася». Любопытно все же, что содержание этой 11 главы дает не Новеллу, казалось бы ожидаемую, но Хронографическую повесть, где никак не упоминается о Даниле. Неожиданное отклонение это может быть объяснено тем, что сводчик заменил беллетристическую новеллу более историчным, как ему казалось, повествованием.

Даниил Александрович, младший сын Невского, — подлинный родоначальник князей Московских. По смерти тверского князя Ярослава Ярославича он начал княжить самостоятельно в Москве, чем положил начало вотчинному княжению московскому. Его 33-летнее правление ознаменовалось удачными действиями против сородичей, причем известная политика московских князей «собирателей» уже лежала в практике Даниила. Ему удалось, между прочим, присоединить к Москве «по завещанию» богатое Переяславское княжество, т. е. начать территориальное расширение Москвы.

Даниил умер в цветущем возрасте, скоропостижно. Из пятерых сыновей его старший, Юрий, возвысил Москву до «великого» княжения, а четвертый, Иван Калита, стал знаменитым «собирателем северо-восточной Руси».

Отсюда понятно, почему личность Даниила должна была приковывать внимание всех, кто интересовался ростом и могуществом Московского государства. Даниил мыслился как главный основатель Москвы государственной, затемнивший основателей прежнего малозначащего поселка. Заложенный в XII в. городок, привлекший великого князя Юрия только красотою местоположения, в XIII становится ареной крупной исторической игры, а с XIV получает первенствующую роль среди других, более древних городов России. Немудрено поэтому, что в эпоху расцвета идеологии

Московского самодержавия, в XVI в., за Даниила взялась официальная литература. О нем не только вспомнили, но и постарались пышно обставить память. Житие его украсило Степенную книгу по благословению патриарха Иова «тщаніемъ и труды Симеона Романовича Олферьева да инока Сергія, честныя обители пресвятыя троицы Даніилова монастыря Переаславля Залѣсского» были написаны стихиры и канон ему.[1] Это произведение носит характер бесцветного риторического упражнения, лишенного всяких намеков на биографичность, носящего черты витиеватой церковной лирики. В Степенной книге[2] была дана попытка житийного очерка: «О богоснабдимомъ великомъ князе Даниле Александровиче Московскомъ», с сильным налетом каноничности. Вообще — Даниил вырастал в облик чаемого святителя. 30 августа 1652, при царе Алексее Михайловиче, были обретены его мощи и перенесены в церковь св. отец семи соборов, но празднование ему, как святому, установлено поздно, в конце XVIII в. при митрополите Платоне.[3] Обретение мощей в XVII в. должно было снова приковать внимание к Даниилу; позднего происхождения Новелла, взявшая его себе в герои, должна была поддаться влиянию этой постепенно подновляемой памяти об основателе московского могущества.

«Житие Даниила» представляет памятник довольно оригинальный, исторически мало объективный. Исследователь сказаний о Даниили Московском[4] говорит, что «самая достоверная повесть» о нем, составленная, вероятно, при Иване Грозном по случаю возобновления им Данилова монастыря, находится в Степенной книге. На этот же текст ссылался и В. О. Ключевский, но отметил, что изложенный в нем взгляд на характер и деятельность князя любопытен по противоречию тем фактам, которые излагает сам биограф.[5]

«Житие» или «повесть» Степенной разделена на 10 глав: 1) вступительная, 2) «о побѣженіи татаръ на Рязани», 3) «о восприятіи града Переяславля и о полученіи начальства державы», 4) «о началѣ Даниловского монастыря и о постриженіи и о преставленіи блаженнаго Данила», 5) «о пренесеніи Даниловского монастыря во градъ Москву», 6) «о пре-

[1] Рукопись собрания Ундольского № 300 (б. Румянц. музея), XVII—XVIII в.

[2] Полное собрание русских летописей, т. XVI, 1 половина, СПб. 1908. степень 9, стр. 296—300.

[3] Голубинский. История канонизации русских святых, стр. 190.

[4] Арх. Амфилогий. Летописные и другие древние сказания о св. благоверном в. к. Даниили Александровиче, М. 1873. Повесть Степенной издана у него по 2 спискам: 1) б. Син. б-ки № 607, 1702 г., и 2) Собрания Пискарева (б. Румянц. музея № 612), XVI — XVII в. Повесть о начале Москвы списка № 607 выпущена издателем.

[5] Древне-русские жития святых. М. 1871, стр. 316.

несенія того же монастыря на новое», 7) «о явленіи великаго князя Данила юноши нѣкоему», 8) «чюдо о князѣ Иванѣ Шуйскомъ», 9) «чюдо о купьцѣ», 10) «о обновленіи монастыря». Повесть весьма скудна биографическим материалом и всего более занимается Даниловским монастырем. Личность князя с самого начала трактуется как долженствующая быть прославленной. Характеристика, на самом деле, не выдержана и противоречива. Князь изображается милостивым и кротким: тогда, говорится в житии, Московское государство не так было многовластно, как ныне, но Даниил положил основание его крепости ничем иным, как смиренномудрием, кротостью, уменьем разрешать враждебные столкновения без кровопролитий. Однако, дальнейшие сообщения о разбитии татар под Рязанью и приводе в Москву пленного князя Константина Рязанского разрушают этот образ миротворца и миролюбца. Само изложение ведется поспешливо и кратко. Рассказом о переходе, по завещанию переяславского князя Ивана Дмитриевича, города Переяславля к Москве, чем положено было «первоначаліе россійскаго скипетродержавія», в сущности оканчивается биография. Повествование прямо переходит к рассказу о создании монастыря князем и о кончине его, постригшегося в новооснованной обители. В следующих главах излагается одна история Даниловского монастыря. Она начинается с рассказа о перенесении монастыря Иваном Даниловичем Калитой на новое место, внутрь княжеского двора в Москве. Прежняя монастырская территория была отдана в ведение архимандритов спасских, но о ней забыли, она оскудела и стала прозываться Даниловским сельцом. От Калиты рассказ делает скачок к княжению Ивана III, который отвел монастырю новую территорию на Крутицах, «оббнпол» древнего Даниловского «места» (сельца).

Так как руководящей идеей жития было прославление князя, как одного из московских чудотворцев, то и в повествование о монастыре вложено три показательных чуда Даниила, как прославляющегося святого. Они намеренно разнесены по трем последовательным княжениям: Ивана III, Василия III, Ивана IV. Первое рассказывает о явлении Даниила некоему вельможному юноше, который отстал от своего полка, — конь под ним споткнулся, когда он случайно проезжал «Даниловское мѣсто». Перед юношей, в образе «незнаемого человѣка» предстало видение князя. Назвав себя по имени, Даниил велел передать великому князю Ивану — почто тот себя всячески утешает, а его, своего родоначальника, предал забвению? И великий князь с того времени уставил справлять ему службу и творить трапезу. Второе чудо произошло во время

похода великого князя Василия. Один из его свиты, князь Иван Михайлович Шуйский, чтобы лучше вскочить на коня, стал, по неведению, на камень, положенный «съ древнихъ лѣтъ» на гробе Даниила. Несмотря на то, что его предупредили — не дерзать оскорблять этот камень, он, Шуйский, пренебрег советом, сказав: «мало ли князей, погребенных таким же образом», но тут же получил возмездие. Конь взвился на дыбы, упал и испустил дух, а князя из-под него вынули едва живым. Шуйский раскаялся, установил петь панихиды по Даниле. Наконец, третье чудо, об исцелении сына коломенского купца на гробе святого, относится к тому времени, когда место упокоения Даниила стало уже предметом внимательного ухода и почитания. Ивану Грозному приписывается честь реставрации «небрегомого» даниловского места, выразившейся в установлении регулярной службы московскому князю, постройке каменной церкви и возобновлении монастыря на первоначальном месте, где лежали еще не выявленные, но уже «ознаменовавшие себя чудесами» мощи святого.

В заключение житие восхваляет Даниила, как второго создателя города Москвы «паче первого», и дает ему краткую похвалу, составленную из тех же выражений, как и характеристика.

Вся повесть явно тенденциозна. Из нее вытекает, что Даниил является начинателем, а Иван Грозный завершителем могущества Московского государства. Родоначальник князей московских, трактуемый как потенциальный святой по характеру и поступкам, получает окончательное признание от Московского царя. Недаром Даниил напоминал о себе не раз, давал знать о своем «небрегомомъ» месте погребения. Из трех чудес только последнее носит агиографический характер, оно и случилось на гробе уже прославленного святого. Два первых — своеобразны, посвящены главной теме — напоминанию о том, что его, Даниила, позабыли. Любопытно, что оба чуда случились с людьми ратными, состоявшими в свите великих князей: напоминания о себе Даниила были направляемы близко к цели. Из них чудо с Шуйским разрабатывает мотив оскорбления так или иначе священного камня, встречающийся в старине о Василье Буслаеве. Повидимому, мотив пользовался распространением в XVI в. История Даниловского монастыря, переносимого с места на место, введена в житие как раз для того, чтобы оттенить поступок Грозного, водворившего монастырь в конце концов на старое «небрегомое» место, чего так желал и Даниил. Вся композиция явно подогнана для того, чтобы показать, что Москва блестящим выходом на историческую арену обязана прославляемому герою. Из Даниила явно делали политического святого.

Так обстояло дело в XVI в. В XVII в., с появлением моды воссоздавать баснословное средневековье, была написана Хронографическая повесть о начале Москвы.

В ее написании сказалось побуждение дать национальное объяснение возникновения столицы. Снижение героических сюжетов могло вызвать появление и другой повести, Новеллы, с героем Даниилом, понимаемым как безраздельный основатель и столицы и самого Московского государства. Обретение мощей его в 1652 г. могло остановить внимание литераторов на этой личности. И вот явилась новая, своеобразная переработка средневекового сказанья об убийстве Боголюбского.

Новелла делится на части. [В одном списке (б. Румянц. музея № 2422) это деление выполнено отчетливо и части озаглавлены.] Повествование начинается с «Лѣтописания», т. е. с летописной заметки: «Лѣта 6789 (1281) октябрія 29 день въ городѣ Владимирѣ, по смерти князя Владимира, сѣлъ на державу князь Андрей Александровичъ, а въ Суздалѣ — князь Даніилъ Александровичъ Невскаго». Далее идет «Напись». Это — эпиграф, заключающий два стиха (в манере былевого эпоса):

«Почему было бы на Москве царству быти,
И кто то знал, что Москве государством слыти».

Эпиграфичность «Написи» доказывается как выделением ее в некоторых списках над текстом, так и неслиянностью с дальнейшим изложением. Эпиграф целиком построен на фразе Хронографической повести, передавшей слова «враждующих соседей» — откуда, дескать, «Москвѣ царствомъ быти и слыти и многими государствы обладати». Новелла, несомненно, знала Хронографическую повесть; но эпиграф мог возникнуть и самостоятельно: это выражение, вероятно, было ходячим.

Затем следует «Исторія» — собственно Новелла.

— Были на Москве реке села прекрасные боярина Кучка Степана Ивановича. И было у него двое сыновей, весьма красивых. Разузнал про них князь Суздальский Данило Александрович и стал просить Кучковичей себе ко двору: «Если не дашь ты сыновей своих к моему двору, то приду я к тебе с войском, предам тебя мечу, а прекрасные села твои пожгу огнем». Боярин Кучко испугался и отдал обоих сыновей своих князю. И понравились Даниилу оба Кучковича, одного из них пожаловал в стольники, другого в чашники.

Полюбились те двое юношей Даниловой княгине Улите Юрьевне, соединилась она с ними любовно. И задумали они с княгиней, как бы предать князя Даниила смерти. Стали звать князя в поле — посмотреть, как гоняют зайцев. Когда князь был с ними в поле, заехали они в дебри, там Кучковичи попытались предать его смерти. Князь Даниил ускакал от них в чащу леса, оставил коня своего и побежал вдоль Оки реки. Они же, долго проискав, не нашли его, обрели только коня. Князь, с трудом добежав до перевоза, не имея что дать перевозчику за перевоз, предложил ему перстень. Перевозчик сказал ему: «Лихие вы люди, обманчивые, как перевезти вас через реку, вы так, не дав ничего, и уйдете». А узнал он, что это князь Данило Александрович. Тот обещался отдать ему свой золотой перстень, если перевезет его. Перевозчик же, подъехав к берегу, протянул весло и сказал: «Положи сначала перстень на весло, тогда я перевезу». Князь положил ему на весло свой золотой перстень. Перевозчик же оттолкнулся от берега и не перевез князя. Князь побежал вдоль берега Оки, боясь преследователей.

Князю негде было укрыться, дебрь была пустынна. И случайно нашел он небольшой струбец, под которым погребен был какой-то неизвестный человек. Князь схоронился там, забыв страх при виде мертвеца. Тут провел он ночь.

Сыновья боярина Кучка пребывали в большой скорби, что упустили из рук живым князя Даниила, лишь ранив его. Овладело ими раскаяние, и сказали они себе: «лучше бы нам было и не замышлять над князем такого дела уголовного, теперь убежал от нас князь раненый в город Владимир к своему брату Андрею Александровичу; придет на нас за это зло князь Андрей с войском». А княгиня Улита рассказала им все тайны мужа своего. «Есть, говорила она, у мужа моего пес-выжлец; когда выедет бывало князь Даниил против врагов своих, против татар или крымских людей, мне при отъезде накажет: если меня убьют или в плен возьмут и увезут куда-либо, ты пошли отыскивать меня своих дворян с этим псом и прикажи им пустить его просто перед собою, а самим за ним ехать: где буду я живой, пес дойдет до меня дорогою, где буду мертвым — найдет меня точно и станет тело мое лизать». На утро княгиня Улита отдала пса своим любовникам и накрепко приказала: «где бы вы ни нашли князя Даниила, там его предайте скорой смерти». Они же, взяв пса, приехали туда, где накануне хотели предать князя смерти. С того места пустили пса перед собой. Пес побежал по берегу Оки реки и прибежал к тому струбцу, где ухоронился князь Даниил. Учуяв князя, стал махать хвостом, радуясь ему. Ищущие же его

быстро соскакивают, разметывают струбец, находят там князя и предают его смерти.

Таково содержание Новеллы. Она очень далеко ушла от своего средневекового источника. Еле намеченная Хронографической повестью возможность любовной интриги здесь утверждена полностью: красавцы Кучковичи наивно делаются автором безраздельными и согласными между собой любовниками княгини Улиты, получившей отчество «Юрьевна», вероятно, в воспоминание об Андрее Юрьевиче Боголюбском.

Мотив злой жены, изменяющей мужу и изводящей его, в литературе постоянен. Хронографическая повесть припомнила хронику Манассии, Новелла дала другую разработку. В XVII в. охотно и не раз пользовались подобным мотивом. У Симеона Полоцкого в его «Обеде душевном» и «Вертограде многоцветном» приведены два таких рассказа о неверных женах, изводящих мужей.[1] Рассказ «Обеда душевного» поэт повторил в «Вертограде», переложив его в стихи. Речь идет о скоттийской царице Фенелле, устроившей красивое с виду яблоко, но содержавшее убийственные стрелы, поражавшие всех, кто к нему прикасался. Из ненависти к мужу своему Кемефу, она расхвалила художественность яблока, царь взял его рукою, но был пронзен потаенными стрелами. Второй рассказ «Вертограда» — об убийстве лонгобардского короля Альбоина его женою Розамундой. Альбоин некогда убил отца Розамунды и сделал из его главы чашу, из которой нередко заставлял пить Розамунду. Тем самым он причинил ей незабываемую обиду, и она решила отомстить. Узнав, что ее придворная девушка любит некого красавца Хелмехилда, она уговорила ее назначить ему свидание, на которое пошла сама и отдалась юноше. Открыв себя, королева сказала, что оговорит его перед Альбоином, если он не убьет его, в противном случае она возведет его на трон лонгобардов. Царь был убит на ложе, к которому привела юношу злая жена. Лонгобарды, однако, не пожелали иметь королем Хелмехилда, и убийцам пришлось покинуть страну. Они уехали в Равенну, захватив с собой драгоценности. Там в Розамунду влюбился Лонгин, и, чтобы соединиться с ним, она предложила Хелмехилду питье с отравой. Тот, догадавшись, что ему поднесли яд, схватил изменницу за волосы и принудил допить кубок. Так погибли оба любовника. Этот рассказ, как заключающий оба мотива — родовой мести и любовной измены, — имеет прямое соответствие с мотивами Хронографической

[1] А. Белецкий. Стихотворения Симеона Полоцкого на темы из всеобщей истории. Из Сборника Харьковского ист.-фил. о-ва в честь проф. В. П. Бузескула, Харьков, 1914.

повести, где месть, в основе родовая, и — Новеллы, построенной всецело на любовной интриге.

Новелла содержит еще ряд общелитературных мотивов. Эпизод с коварным перевозчиком происходит у Оки-реки. Этот географический термин постоянен в списках Новеллы, но явно несообразен. От Суздаля и Владимира (куда должен был пешком дойти раненый князь Данило) до ближайшей излучины Оки — километров около ста шестидесяти.[1] Ясно, что сюда притянута какая-то иная, может быть окская легенда. Таковая существует на самом деле. Анофриев, сообщая местные легенды о городе Алексине,[2] передает, что по преданию Алексин основан в XIII в. сыном Александра Невского — Даниилом, который, находясь в здешних местах, узнал, что у него родился сын Алексей. Тогда князь заложил здесь город и назвал его Алексиным. Однако, сына с таким именем не было у Даниила. Самый город до 1236 г. звался городом митрополита Петра, затем был отдан на кормление митрополиту Алексею. Отсюда и идет прозвание города, в котором Алексей был особенно почитаем. Про него собиратель записал, как он говорит, «странную» легенду. Митрополит Алексей ехал в Орду, вызванный туда для исцеления заболевшей ханши. У Алексина ему пришлось переправляться через Оку-реку, и он попросил жителей пригородной рыбацкой слободы перевезти его. Перевозчики переправили митрополита, но потребовали денег. Их не оказалось, тогда они сняли с него крест. Удивленный митрополит сказал им: «За то, что вы так со мною поступили, вы всегда будете жить ни бедно, ни богато». На Оке, следовательно, существовал какой-то прибой сказаний о московских князьях и митрополитах, с именами которых связывались местные урочища. Поступок окских перевозчиков с митрополитом легенды и князем новеллы идентичен по мотиву грубого лихоимства. Распространенная, повидимому, широко, легенда эта была приноровлена для Новеллы, сохранив свой местный отпечаток.[3]

[1] В списке б. Румянц. музея № 1841 на полях, там, где встречается «Ока», почерком XVIII в. везде поставлено «Унжа», но это не меняет дела.

[2] Г. Анофриев. Алексин. Местные предания и легенды. Труды Тульской губ. ученой архивной комиссии, книга 1.

[3] Ф. И. Буслаев, передавая содержание сказаний о Москве (Летописи русской литературы и древности, т. IV, М. 1862, стр. 9—18), приводит песню о бесчастном добром молодце, неудачно пытавшемся переехать глубокую и непроездную «Москву-реку Смородину» (вероятно — туманную, от «смрад»). Загадочная песня эта любопытна по мотиву перевоза, вокруг которого вертится ее содержание: молодец спрашивает реку, где у нее «броды конные и перевозы частые»; та отвечает, что с бродов она берет по добру коню, с перевозов по «седеличку черкасскому», но «безвремянного молодца» она и так пропустит. Молодца погубила

Интересно, что указание на долгую, темную осеннюю ночь, которую князь проводит с мертвецом в невысокой деревянной колоде, небольшом срубе, среди лесной чащи, явно рассчитано на возбуждение чувства жуткого. Новелла дает, может быть, один из наиболее ранних образцов романтического приема изложения с целью вызвать у читателя определенное настроение. С этой точки зрения можно говорить о художественности произведения.

Трепет и раскаяние Кучковичей, напрасно искавших раненого князя, и мысль об ожидаемом наказании от брата потерпевшего, которое тот воздаст им и Улите, — реминисценции мотивов средневековой повести.

Остается эпизод с выжлецом[1] — собакой, которая из-за привязанности к своему хозяину является невольным соучастником гибельной с ним разделки. Мотив этот распространен в литературе и дожил до недавнего времени.[2] На появление его могло повлиять сравнение Кучковичей в Хронографической повести: «яко следящие пси» бросаются они на князя.

Интересны противники Даниила на «грозном побоище», где среди трупов могло бы оказаться его тело: «это крымские люди-татары». Новелла писалась в такое время, когда татары понимались только как крымские, что ясно указывает на XVII в., время расцвета этого царства и живых отношений с ними как Московской, так и Литовской Руси.

В следующей части Новелла переходит в тон исторического повествования и представляет как раз то «баснословие», которое отметили Татищев и Карамзин.

— Этот благоверный князь Даниил Александрович был четвертым мучеником, принявшим смерть от прелюбодеев и жены своей. Первые мученики — Борис, Глеб и Святослав — были убиты от брата своего окаянного Святополка, по прозванию Поганополка.

Кучковичи привезли окровавленное платье князя Даниила и отдали его княгине Улите. С нею попрежнему продолжали жить в том же беззаконном любодеянии. У Даниила остался сын Иван Даниилович, только пяти лет и трех месяцев от роду. Охранял его и ходил за ним верный раб отца его Давыд Тярдемив.[3] Когда по смерти князя прошло уже два месяца,

похвальба: «сказывали-де про Смородину, что ни пешему, ни конному ее не перейти, а она хуже дождевой лужи». Река топит молодца за похвальбу — пагубу. Комментариев Буслаев всему привлеченному материалу не дает.

[1] «Выжлец», но при другой ситуации, упоминается в повести о Бове-королевиче.

[2] Мне попался в издании Ступина детский рассказ: «Собака-доносчик», построенный на привязанности собаки к господину, которого она невольно не раз вовлекает в беду и выдает.

[3] *Варианты:* Тудермив, Тяхдемив.

пожалел тот слуга Давыд о княжиче Иване Даниловиче, взял его тайно ночью, сел на коня и быстро погнал к городу Владимиру, к князю Андрею Александровичу, его дяде, где рассказал все по порядку. Князь Андрей пожалел о брате своем, собрал во Владимире пять тысяч войска и пошел к городу Суздалю. Услыхали там суздальцы и дети боярина Кучка Степана Ивановича, что идет на них князь Андрей с войском, объял их страх и трепет. Не смогли они стать против князя ратию и убежали к боярину Кучку. Князь же Андрей с воинством пришел в город Суздаль. Суздальцы не сопротивлялись и покорились. Князь Андрей повелел схватить княгиню Улиту и предать мучительной казни. Суздальцы же собрали три тысячи войска в помощь князю Андрею. И пошел князь Андрей со всем воинством на боярина Кучка. Тот не смог против князя Андрея боем биться. Быстро князь Андрей взял приступом села и слободы, а Кучка боярина с детьми в плен. Приказал их оковать крепкими железами, потом Кучка боярина с детьми предал казни.

Этой части Новеллы придан характер воинской повести. Описываются сборы войска, военные действия, действующие лица произносят речи, молитвы. Рассказ проникнут аллюзиями на житье Бориса и Глеба, фактический материал заимствован из преданий о разделке братьев Андрея Боголюбского со всем Кучковым родом. Конфликт повествования построен на столкновении Кучкова рода, владевшего «прекрасными селами и слободами», с великим князем Даниилом и его братом, вытекшем из любовной авантюры жены Даниловой с красавцами Кучковичами. Татищевский рассказ о столкновении Юрия Долгорукого с Кучком боярином тоже был построен на любовной интриге. Таково веяние поздней моды: средневековая повесть совершенно чуждалась подобного элемента.

Изложение разбираемого отрывка сильно растянуто ненужными амплификациями, повторениями, носит характер лубочного повествования. Списки Новеллы, мало отличающиеся друг от друга в первой части, изобилуют вариациями как раз в этой «исторической» части, сводящимися к совершенно ненужным разглагольствованиям (напр., в списке б. Румянц. музея № 2422). Бессодержательную многословность этой части как будто сознавали сами редакторы, так как в иных списках встречается обратное явление — значительная сжатость при одном и том же содержании; таковы, напр., печатные тексты, сообщенные Чертковым и Рыбниковым.

До сих пор Новелла обрабатывала известные мотивы убийства героя через жену, мщения брата убитого и гибели всего Кучкова рода, но нигде не упоминала еще «о зачале» города Москвы. Этой темой она, в общем,

и не интересуется. Ее героиня — Улита, на отрицательную характеристику которой не скупится Новелла, риторически развивая намеченное Хронографической повестью.

Упоминание о малолетнем княжиче Иване Даниловиче, будущем Калите, столь сентиментально сохраненном дядькой своим, указание на взятие приступом «прекрасных», но совершенно не укрепленных «сел и слобод» Степана Ивановича Кучка подготовляет внимание читателя к третьей, последней части Новеллы, где говорится об основании Москвы, но в довольно неожиданной конъюнктуре.

— 6797 (1289) года, 17 марта, отомстил князь Андрей Александрович кровь брата своего, победил Кучка боярина и злых убийц, разграбил все их имение-богатство, но сел и слобод прекрасных не пожег. Он остался отдыхать там; восстав утром, поглядел на те селы и слободы, и полюбились ему они; вглядевшись, задумал он на том месте город поставить. Тут он и остался на жительство, в городе же Суздале и Владимире посадил княжить сына своего Георгия, а племянника, Ивана Даниловича, взял к себе и воспитал до возраста.

И так был основан город, 6799 (1291) года, 27 июля. И стал с тех пор называться он Москвою.

Князь Андрей, пожив в Москве и выстроив много церквей, скончался в 6813 (1304) году. Оставляя город, он приказал княжить там племяннику своему Ивану Даниловичу. Сын же Андрея Георгий, так наз. Юрий Суздальский и Владимирский, умер раньше отца, Андрея Московского, на год, остался по нем один наследник, сын Димитрий, четырех лет и десяти месяцев.

Князь Иван Данилович возмужал, был он разумен, благодарственен, верен, благочестив и нищелюбив. И взял он к себе Дмитрия Юрьевича Суздальского, воспитал его, а города Суздаль и Владимир принял в свое державство.

В то же время, при князе Иване Даниловиче Московском, в 6816 (1308) году, 22 марта, пришел из Киева в Москву Петр митрополит. Князь принял его с великой честью. Петр назвал Ивана великим князем Московским и всея России и прорек о Москве, что «будет она царствующим градом, весьма распространится и наречется вторым Иерусалимом, будет обладать многими державами до Теплого моря и до Студенаго океана». Князь великий поставил Петра митрополитом московским и всея России.

Рассказ далеко ушел за пределы повествования об основании города Москвы. Его рамки соответствуют той «московской летописи», которая на-

чиналась Хронографической повестью и продолжалась заметками о Даниле, Иване Даниловиче и Петре митрополите, причем в этих пределах тщательно отмечалось построение церквей московских. Исторической основы в нем искать—тщетно. Возникновение Москвы приписано князю Андрею Александровичу, брат Даниил пролил кровь совсем по другому поводу. Столь тщательно отмечаемая хронология в списках неидентична и неудовлетворительна. Не говоря уже о том, что Даниил Новеллы является «суздальским», а не московским князем, каким он был, и даже не основателем (хотя бы и вторым) города, действующие лица повествования носят исторические имена, но совершают поступки, не имеющие отношения к исторической действительности. Князь Андрей Александрович, неожиданный основатель Москвы и первый князь Московский, на самом деле был старшим братом Даниила, занимал великое княжение с 1282 по 1304 г. с перерывом, борясь за власть со своим братом Дмитрием, и умер год спустя по смерти Даниила Московского. С последним был не в таких дружеских отношениях, как изображает Новелла, а в вопросе из-за Переяславского княжества сделался даже прямым противником. По смерти Даниила стол занял старший сын Юрий, ожесточенный враг великого князя Михаила Ярославича. С него началась трагическая распря Твери с Москвою, во время которой враждующие проявили столь много кровожадной жестокости. Иван Данилович занял московский стол в конце 1325 г., после того как брат его Юрий был убит в Орде тверским князем Дмитрием Михайловичем. До этого Иван Данилович княжил в Переяславле; в Москву он попал за год с месяцем до смерти Петра. С получения Калитой великокняжеского ярлыка кончается это тревожное и кровавое время. Рассказ Новеллы, между тем, падая на эту эпоху, представляет взаимоотношения персонажей необыкновенно елейно и мирно. Любовно передает Андрей стол племяннику-воспитаннику, родственно и любовно относится к сироте Димитрию Иван Данилович, не забывая, правда, воспользоваться великокняжеской отчиной; характеры всех выдержаны в тонах «благочестия и благоверия». Эта елейность, сентиментальная идеализация прошлого, несомненно, литературный прием, оставшийся жить в позднейшей лубочной исторической повести. Он дошел и до позднего времени в народных обработках повестей о начале Москвы.

Петр был поставлен в митрополиты «всея Руси» в мае или июне 1308 г., а в 1309 явился на свой новый стол во Владимир из Киева. История перенесения кафедры в Москву представляется, на самом деле, так:[1] По при-

[1] Голубинский. История русской церкви, т. II, 1 половина. «Митрополит св. Петр».

бытии во Владимир. Петр нашел врага себе в лице великого князя Михаила Ярославича, тогда по необходимости он должен был обратиться к врагу последнего, Юрию Даниловичу Московскому. У него стал часто проживать в Москве, имел свой двор в двух местах. Преемник Юрия — Иван Данилович, задавшись мыслью навсегда удержать митрополитов в Москве, дабы обеспечить успех своему замыслу — сделать Москву столицей великого княжения, упросил Петра согласиться быть погребенным в Москве, вместо Владимира, на что митрополит, сочувствуя феодальным стремлениям князя, дал свое согласие. Новелла передает как бы впечатление от этого факта, совершенно игнорируя действительность. Она отражает также пророчество Петра о будущей славе Москвы, вошедшее в его житие.

В Новелле намечаются две части: в первой рассказана занимательная повесть о любви Даниловой княгини Улиты к Кучковичам, следствием чего явилось изменническое убийство суздальского князя Даниила Александровича. Вторая повествует об основании Москвы братом Даниила Андреем и о дальнейшем расцвете стольного города. Части механически связаны эпизодом мести братней — наказанием Андреем убийц. Вся композиция очень далеко ушла от средневекового рассказа о Боголюбском восстании. Автору был знаком комплекс преданий, из которых составилась Хронографическая повесть, но, несомненно, последняя была главным источником Новеллы. В этом убеждают мотив любви Улиты к обоим Кучковичам — осмысление заговорных сношений княгини с Петром и Якимом в Хронографической повести, и, главное, мотив связи убиения князя с основанием города.

Новелла, впрочем, увлекшись романическим рассказом, совсем позабыла об основании Москвы в первой части; вспомнила она об этом только во второй, механически пришитой к роману, лишенной всякого движения. Эта часть целиком проработана по той «московской летописи», которая, как указано, нередко сопровождала Хронографическую повесть. Сокращенные списки Новеллы как раз сжимают эту вторую риторическую часть, благодаря чему получается впечатление, что все произведение удалено от москвофильской точки зрения, в чем нельзя упрекнуть Хронографическую повесть. Не спасает и удачно выбранный эпиграф, рассчитанный на вторую часть Новеллы.

Если Хронографическая повесть создалась в XVII в., то Новелла, принадлежащая тому же веку, — немногим позже. Самые ранние списки Новеллы — конца XVII в., и на редакции она не успела разбиться.

Новелла приспособлена для чтения иных социальных кругов, чем феодально настроенная Хронографическая повесть. Это — чтение подвижного, скептически настроенного посада, ищущего в нем занимательности, но не подлинной историчности. Вместе с «Сказкой» новелла начинает ряд будущих народных «лубочных» «исторических» повестей и романов.

3. Сказка

Наиболее обстоятельное заглавие этого небольшого беллетристического произведения находится в списке Гос. публичной библиотеки, собрания Толстого,[1] конца XVII в.: «Сказание о зачатіі преславнаго царствующаго града Москвы, какъ сперьва зачатъ і коимъ великимъ княземъ і в коемъ мѣсте, все то писано подлинно в сей і в коемъ году какъ было, выписано із лѣтописца царскихъ граноградовъ». В прочих списках заглавия короче и составлены из элементов предыдущего.[2] Изложение передает рассказ об основании Москвы совершенно отлично от Хронографической повести и Новеллы. Встречающиеся имена искажены или придуманы, исторические факты — удалены от действительности, но, несомненно, автор был далеко не «круглым невеждой» в истории. Героем сказания является «великий князь Данило Иванович». Такое сочетание преобладает в списках, и его можно счесть органичным. В Забелинском списке № 547 князь назван «Даниилом Александровичем», но это, вероятно, сознательная поправка писца для придания герою большей историчности. Последней не было в самом намерении автора.

Содержание сказания таково:

Великий князь Данило Иванович, «после Рюрика короля римского, в четвертый год», пришел из Великого Новгорода в Суздаль; тут родился у него сын Георгий. Он основал в Суздальской земле в честь его имени город Юрьев Польский, в том городе создал церковь каменную всю резную от подошвы до верху. По основании города в том же году поехал великий князь искать места, где бы мог заложить город — столицу княжеству своему и наследникам. Взял с собою некоего гречина, именем Василия, искусного во всяких науках мудреца, ведающего будущее. Въехал он в темный и непроходимый лес, а там — болото, большое и топкое. Посреди болота на маленьком пригорке увидал великий князь огромного, трехголо-

[1] F. IV № 217, лл. 265—266.

[2] Напр.: «Краткое видѣние выписано из лѣтописца из царскихъ хронографовъ. О зачатіі и созданіі преславнаго града Москвы». Сп. Забелина № 547.

вого, зверя. И спросил князь Василия, что это за удивительное и странное видение. Тот отвечал ему: «Князь великий! на этом месте создастся город величайший, сильно распространится царство треугольное и умножатся в нем разных орд люди. То прообразуют три главы зверя. А что на нем различные цвета, показывает, что в нем будут жить люди из всех стран».

Данило Иванович наехал на небольшой островок в лесу посреди болота, на нем хижина поставлена, в ней — пустынник, Букал по имени, отчего и хижина прозвалась Букалова. Теперь на том месте царский двор.

Затем великий князь с тем же гречином Василием, дня четыре спустя, наехали на горы, где тоже нашли хижину, в ней человек, по имени Подон, римлянин родом. Полюбилось великому князю место, и захотелось ему построить себе здесь дом. Старец Подон сказал князю: «Не подобает тебе, князь, тут селиться, на этом месте созиждется храм божий и будут жить архиереи, бога вышнего служители». Князь послушался и уехал с этого места.

Спустя некоторое время Данило Иванович приехал из Киева на место, где видел красивого зверя и, в шестой год, на хижине Букаловой заложил город, назвали его Москвою по реке. А в седьмой год, вниз по реке на Подонских горах, на хижине Подоновой, заложил церковь спаса.

На девятый год родились у него два сына, Алексей и Петр. Великий князь любил сына своего Алексея Даниловича и во имя его создал город Алексин, к северу, на Оке. Там в лесу нашел мужа, именем Сара, из Иверской земли, великого пустынолюбца, на его хижине был заложен г. Алексин.

На 29 году по основании города пришел к Даниилу Ивановичу из греков епископ Варлаам, принес с собою многие чудотворные мощи. Великий князь принял его с великою честью, велел освятить храм на горах Подонских и отдал ему область Крутицкую. И назван был Варлаам владыкою сарским и подонским, а по горам Крутицким — крутицким архиереем.

Повествование, как видится, не ограничилось рассказом об основании Москвы, оно попутно говорит о возникновении Юрьева Польского, Алексина и особенно — крутицкого архиерейского дома. Прием изложения крайне однообразен: все эти пункты оказываются выросшими на местах хижин пустынников, имена которых представляют отвлечения от определительных прилагательных. Отсюда разбираемая Сказка принадлежит к типу произведений, где происхождение названий городов и урочищ объясняется собственными именами первичных посельников, якобы исторически существовавших. Этот жанр «генеалогической поэзии» определяет хронологию Сказки, которая должна быть отнесена к поздним годам XVII в.

Под именем Данила Ивановича следует разуметь московского князя Даниила Александровича, с которым, на самом деле, связано многое, о чем говорится в Сказке. Этот «великий князь Данило Иванович» (герой, кстати сказать, старин богатырских), понимается, как основатель Москвы и Крутицкого архиерейского дома. В имени «Данила» чувствуется связь Сказки с Новеллой, поддерживаемая еще неожиданным рассказом об основании Алексина в честь несуществовавшего у Даниила Александровича сына Алексея. Выше приведены окские легенды о городе Алексине, одной из которых — о корыстолюбивом перевозчике — воспользовалась Новелла.

Этот «Данило Иванович» в Сказке считается потомком «Рюрика, короля римского», иными словами — московский князь, рюрикович, полагается ведущим свое происхождение от римских владык. Этой генеалогией разбираемое произведение примыкает к циклу легенд об основании Московского царства. Легенды эти сложились еще в конце XV в. из ряда переплетшихся между собой мотивов, состоявших, во-первых, из сказочной повести о Вавилонском царстве, во-вторых, из книжного генеалогического сказания, которое, начинаясь с Адама, доводило свой исторический обзор до Августа кесаря. Этот «кесарь», устраивая «вселенную», послал, между прочим, брата Пруса на берег Вислы, в землю, прозванную впоследствии Пруссией; прямым потомком его значится Рюрик, сделавшийся родоначальником русского княжеского дома.[1] На свое происхождение от римского императора Августа любил ссылаться Иван Грозный, утверждая тем самым политически легенды о создании Московского государства. Сказка не отдалилась от тех же легендарных представлений, и наименование Рюрика «королем римским» показывает в авторе знакомство с ходячей легендой.

Рассказ об основании Москвы предваряется заметкой об основании Юрьева Польского и каменной в нем церкви «на рѣзи отъ подошвы до верху». На самом деле создателем Юрьева был великий князь Юрий Владимирович Долгорукий, который заложил его в 1152 г., немногими годами спустя после основания Москвы. Георгиевский собор города, действительно, сплошь украшенный резными изображениями, выстроен в 1162 г. и в 1234 перестроен. Думается, не случайно соединены в сказании Юрьев и Москва в качестве городов, созданных одним и тем же лицом. Автор мог намеренно приписать возникновение этих городов инициативе своего, отвлеченного от истории, героя, на самом деле зная о подлинном их основателе.

[1] А. Н. Пыпин. История русской литературы, т. 2, гл. 2.

«Данило» разбираемой Сказки по закладке Юрьева отправляется «искать место» для основания другого города, которому предопределено быть столицей княжества. Столь важному предприятию должно сопутствовать какое-либо чудесное знамение. Оно — налицо. Князь едет не один, но в сопровождении ученого и мудрого грека Василия. Этому персонажу уготована роль прозорливца, предвидящего великую судьбу будущего города. Облик такого пророка автору мог быть подсказан Новеллой, где митрополит Петр предрекает будущее величие Московского государства. В Сказке разработка этого мотива проведена иначе, более пластично. Среди дремучего леса, «острова», путникам представляется великий троеглавый зверь, весь испещренный разными цветами. Грек толкует это видение: великость зверя символизует обширность будущего города, три главы его — широкое распространение «треугольного» царства, которое он возглавит, прекрасная цветистость — пестрое население этого царства, куда стекутся на жительство люди от всех стран — «умножатся разныхъ ордъ люди». Здесь даже лексика — поэтична, потому что в богатырских песнях «орда» — постоянный синоним «земли».

Троеглавый и полихромный зверь возвращает снова к упомянутому иноку Филофею. Его идея о последовательной смене царств основывалась на рассказе о видении пророком Даниилом четырех символических зверей: льва с огромными крыльями, медведя с тремя клыками во рту, барса с четырьмя головами и столькими же крыльями на спине, наконец, ужасного и страшного зверя с железными зубами, о десяти рогах, на которых были глаза, подобные человеческим. Это — «четвертое царство», долженствующее обнять и попрать всю землю. В «Откровении Мефодия Патарского» изложение событий мировой истории ведется по тысячелетиям, с явным приспособлением к видению Даниила о четырех царствах. Их смена представлена так: еврейское — египетское — вавилонское — персидское — македонское — римское. Между македонским и римским царством устанавливается нижеследующая генетическая связь. Мать Александра Македонского Хузифа (Олимпиада), по смерти сына, вернулась к отцу своему Фолу, Эфиопскому царю. Там за нее посватался Виз, основатель Царьграда. От брака родилась Византия, названная так по имени города. На Византии женился римский царь Ромил Армалей. У них были три сына: Армалей, наследовавший Рим, Урван — Византию, Клавдий — Александрию. Вечным городом греко-римского царства становится Византия, этот второй Рим, царь которого предаст последнее царство богу в символе венца.[1] Однако, не сбылось

[1] В. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей, стр. 391 и сл., 405 и сл., 409 и сл.

такое откровение: второму Риму наследовал третий, Москва, на этот раз уже «последний». Если второй символизировался апокалипсическим зверем, то образ «прекрасного зверя» Сказки является, несомненно, дальнейшим отражением популярной легенды. Любопытно, что последнее царство Московское зовется здесь «треугольным». Этот эпитет подходит к «триличному царству», возглавляемому царем Михаилом Федоровичем, его отцом Филаретом и матерью Марфой. Так представлял себе Московское государство и дал ему этот эпитет дьяк Иван Тимофеев, заканчивая в своем «Временнике» исторический обзор «Смутного времени».[1]

Все урочища в Сказке значатся основанными на местах хижин пустынников и находятся в связи с их именами. Этот, уже знакомый, прием объяснения здесь очень однообразен и наивен. Он явно понадобился автору для воссоздания личных имен, к которым надо было возвести названия урочищ. Москва, по сказке, основалась там, где стояла хижина пустынника Букала.[2] Следовательно, на территории города на самом деле где-нибудь должно было находиться урочище Букалово. Н. М. Карамзин[3] приводит топографическое указание, что церковь спаса на Бору выстроена на хижине Букалове. И. Е. Забелин[4] говорит, что в актах XVII в. упоминается «церковь воскресения христова, что на Буколове», но считает это название порчей из «Булгаково». С последним толкованием согласиться нельзя: актовые книги строго передают термины и «Букалово» было известно топографам времен Карамзина. Это урочище могло, действительно, существовать на Боровицком холме, так как Сказка предупредительно поясняет: «а нынѣ на томъ мѣстѣ домъ царскій».

Едва ли не больше внимания, чем рассказу об основании Москвы, уделяется в Сказке повествованию о крутицком архиерейском доме. Князь Данило со спутником наехал на хижину пустынника Подона. Гористое место «вниз по реке» — надо понимать от Боровицкого холма, где стоит Кремль, понравилось князю, и ему захотелось там построить для себя дом. Однако Подон, оказавшийся тоже прозорливцем, отклонил желание князя предсказанием, что на этом месте суждено быть храму и архиерейскому дому. Князь послушался, и сам заложил здесь церковь спаса. Этот храм на горах Подонских обогатился вкладом мощей, принесенных

[1] С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени, СПб. 1913, стр. 206.

[2] «Букарь», «Бухарь» — *в немногих вариантах.*

[3] История государства российского, т. II, прим. 301.

[4] История города Москвы, М. 1902, стр. 30, прим.

Данилу пришедшим из Греции епископом Варлаамом, которому великий князь отдал все то место, где находился храм, именуемое областью крутицкой. Варлаам с тех пор стал именоваться владыкою крутицким, сарским и подонским. Чтобы пояснить термин «сарский», автор снова прибегает к излюбленному приему: «Саром» оказался пустынник, родом из Иверской земли; на его хижине был заложен город Алексин. В таком виде представляет Сказка возникновение под Москвою архиерейского дома на Крутицах. Объяснение натянутое, но автору подлинная история Крутиц, оказывается, была знакома.

Сарайская епархия[1] была основана по ходатайству великого князя Александра Невского в 1261 г. в Золотой Орде, в Сарае. Там жили и епископы. Влияние их со временем распространилось на селения, построенные рязанскими князьями для защиты своего княжества по р. Дону и его притокам. Права эти оспаривали рязанские архиереи, но при митрополите Феогносте (1328—1353) они были оставлены за сарайской епархией, и епископ последней начал именоваться сарайским (сарским) и подонским. В XV в., при ослаблении ханского могущества, епископ сарский Вассиан (1456—1466) перенес свою кафедру в Москву, на Крутицы, с конца XIII в. бывшие подворьем для приезжавших в Москву сарайских епископов. Он сам и его преемники с тех пор остались на постоянном жительстве в Москве. Сарская епархия, благодаря отдаленности жительства ее архиереев, уже не могла самоуправляться и была разделена между ближайшими епархиями. Крутицкий епископ возвышался в Москве, ему было поручаемо заведывание делами митрополии; была, при Вассиане же, образована особая епархия крутицкая с сохранением для владык титула «сарских и подонских», «из почтения к древности». Территорию ее составляли пограничные с Литвою города, предмет споров последней с Московским государством, постепенно к нему присоединявшиеся. В XVIII в. крутицкая епархия была одной из обширнейших по пространству, числу церквей и приходов. В 1788 г. упразднена и приписана к московской епархии. Владыки крутицкие носили титулы епископов, архиепископов, а при патриархах — митрополитов.

Московский князь Даниил Александрович имел близкое отношение к этому архиерейскому дому. Около 1300 г. он создал церковь на Крутицах. Хотя это было, как указано выше, подворье для приезжавших в Москву по делам Сарской епархии, тем не менее помещавшийся там какой-либо прибывший епископ именовался епископом крутицким. Таким был Варлаам,

[1] Н. А. Соловьев. Сарайская и крутицкая епархии. Чтения в Общ. ист. и др. росс., 1894, кн. 3.

о котором историк епархии приводит справку[1] о том, что на 29 лето владения Даниила князя Московского пришел к нему из Греции епископ Варлаам и с собой принес на посвящение церквам многие части мощей. С этим свидетельством любопытно сопоставить заключительные строки разбираемой Сказки: «И въ 29 году послѣ того строенія пріиде изъ грекъ епископъ Варлаамъ хъ князю великому Даніилу Іоанновичю и многия чудотворныя мощи съ собою принесе, і князь Даніило Іоанновичь принялъ съ великою честію і повелѣлъ храмъ освятити на горахъ Подонскихъ і предалъ ему область крутіцкую и нарекоша его владыкою сарскимъ и подонскимъ, ради сихъ горъ Крутицкихъ — крутицкимъ архіереемъ».

Почти текстуальное совпадение заключения с документальным материалом показывает, что автор Сказки писал ее вовсе не «не справясь с историями». Сознательно притянул он своего героя «Данилу Ивановича» к освящению крутицкого храма, который, оказывается, был воздвигнут основателем Московского царства князем Даниилом. Хронологическая дата документа — «в 29 году после того строения» — определила композиционный остов всей Сказки, расположенной по таким же обозначениям времени: в четвертый год князь пришел, на девятый год у него родился...

Если именем Даниила Московского воспользовалась Новелла, то его же, как основателя одной из крупнейших митрополий, прославляет Сказка. Автор, остановивший свое внимание на крутицком архиерейском доме, мог быть каким-нибудь церковником на Крутицах.

Изложение Сказки нарочито отдалено от фактического материала. Прием — намеренный, определяющий классовый перелом в беллетристической литературе. Сказкой (как и Новеллой) начинается ряд таких художественных произведений, где исторические факты заведомо преломлены для того, чтобы отдалить содержание от реального и перенести внимание читателей в область правдоподобного и занимательного вымысла. Это — жанр позднейших «исторических» повестей.

[1] Указ. соч., стр. 22. Справка взята из «Трудолюбивой пчелы», 1759, генварь, стр. 58.